

Цена 60 коп.

В МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГА
БОЛЬШОЙ ВЫБОР
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ:

БЕИШЕПАЛИЕВ Ш. **Путь к счастью.** Роман. Изд-во «Молодая гвардия». 1958. 288 стр. Цена 5 р. 70 к.

ЕФРЕМОВ И. **Дорога ветров.** Трудрезервиздат. 1958. 358 стр. Цена 9 р. 45 к.

КОМПУС Л. **Даша Нечаева.** Изд-во «Молодая гвардия». 1958. 270 стр. Цена 5 р. 55 к.

МАГИД А. **Четвертое поколение.** Трудрезервиздат. 1958. 340 стр. Цена 6 р. 80 к.

МЕЛЕНТЬЕВ В. **Трудный путь.** Детгиз. 1957. 96 стр. Цена 1 р. 35 к.

НИКУЛИН Л. **России верные сыны.** Исторический роман. Изд-во «Правда». 1958. 599 стр. Цена 10 р. 20 к.

ПЛАТОВ Л. **Повесть о Ветлугине.** Изд-во «Молодая гвардия». 1957. 664 стр. Цена 13 р. 80 к.

Рассказы русских советских писателей. В трех томах. Том 1. Гослитиздат. 1957. 602 стр. Цена 12 р. 90 к.

Рассказы русских советских писателей. В трех томах. Том 2. Гослитиздат. 1957. 568 стр. Цена 12 р. 35 к.

Рассказы русских советских писателей. В трех томах. Том 3. Гослитиздат. 1957. 540 стр. Цена 11 р. 85 к.

Требуйте эти книги в магазинах книготорга и потребительской кооперации!

В случае отсутствия этих книг в местных магазинах заказ можно направить по адресу: Москва, Ж-109, 2-я Фрезерная улица, дом 14, Ассортиментный отдел Центральной оптовой книжной базы.

Книги высылаются наложенным платежом.

«СОЮЗКНИГА»

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 12

1959

А. ТВАРДОВСКИЙ

СТИХИ
ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 12

А. ТВАРДОВСКИЙ

СТИХИ
ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

1936 — 1958

Издательство «ПРАВДА»
Москва, 1959

А. ТВАРДОВСКИЙ

Александр Трифонович Твардовский родился 21 июня 1910 года в деревне Загорье, Смоленской области, в семье кузнеца. Учился в сельской школе. Со стихами и заметками стал выступать с 1924 года в смоленских газетах.

С 1928 года А. Твардовский жил в Смоленске, учился в педагогическом институте, занимался журналистикой. В 1930 году вышла отдельной книгой его поэма «Путь к социализму» («Молодая гвардия»). В 1934—1936 годах им была написана поэма «Страна Муравия».

По окончании Московского института философии, литературы и истории в 1939 году А. Твардовский участвовал в освободительном походе Советской Армии в Западную Белоруссию и в финской кампании 1939—1940 годов в качестве специального корреспондента армейской печати.

Во время Великой Отечественной войны А. Твардовский работал во фронтовых газетах. В 1941—1945 годах написал поэму «Василий Теркин», в 1944—1946 годах — поэму «Дом у дороги». Гослитиздатом изданы его «Стихотворения и поэмы в двух томах» (3-е издание, 1957 год). Главной работой последних лет является книга «За далью — даль».

А. Твардовский награжден орденами Ленина, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды.

Александр Трифонович Твардовский

СТИХИ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Редактор — П. КРАВЧЕНКО.

А 00653. Подписано к печати 16/III 1959 г. Тираж 160 000. Изд. № 598.

Заказ № 284. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. 0,75 бум. л.—2,05 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.

ДОРОГА

Столбы, селенья, перекрестки,
Хлеба, ольховые кусты,
Посадки нынешней березки,
Крутые новые мосты.

Поля бегут широким кругом,
Поют протяжно провода,
А ветер прет в стекло с натугой,
Густой и сильный, как вода.

* * *

Шумит, пробираясь кустами,
Усталое, сытое стадо.
Пастух повстречался нестарый
С насмешливо-ласковым взглядом.

Табак предлагает отменный,
Радушною радует речью.
Спасибо, товарищ почтенный,
За добрую встречу.

Парнишка идет босоногий,
Он вежлив, серьезен и важен.
Приметы вернейшей дороги
С готовностью тотчас укажет.

И следует дальше, влекомый .
Своею особой задачей.
Спасибо, дружок незнакомый,
Желаю удачи!

Девчонка стоит у колодца,
Она обернется, я знаю,
И через плечо улыбнется,
Гребенку слегка поправляя.

Другая мне девушка снится,
Но я не боюсь порицанья:
Спасибо и вам, озорница,
За ваше вниманье.

МУЖ И ЖЕНА

Что он делал, что он думал
В этот день в избе пустой,
Работающий и угрюмый
Человек, хозяин твой?

Довиднá возился с печкой,
Снаряжался у дверей,
Подпоясанный уздечкой,
Гнал на речку лошадей?

Может, все ж зашел к соседям,
Хоть промолвил те слова:
«Что-то баба долго едет,
Знать, понравилась Москва?»

Иль сидел в избе одетый,
У окна, как старый дед,
Пыхал трубкой за газетой,
Понимал, а может, нет?

Иль на радостях собрался,
Выпив, с кем-нибудь сидел
И тобою похвалялся:
«Баба — о! Политотдел!»

* * *

А ты, что множество людей,
С тобою росших, помнишь,
Ты под ровесницей своей
Грустишь, под липой темной.

Я знаю, старый человек,
Ты волю дал обиде,
Что прожил долгий, трудный век
И ничего не видел.

Ты знал, что все края равны,
Везде нужда и горе,
И не прошел родной страны
От моря и до моря.

Дождался дома сытых дней,
Все так, одно обидно:
Себя считал ты всех умней,
Да просчитался, видно.

* * *

За распахнутым окном,
На просторе луга
Лошадь сытая в ночном
Отряхнулась глухо.

Чуял запах я воды
И остывшей пыли.
Видел, белые сады
В темноте светили.

Слышал, как едва-едва
Прошумела липа,
Как внизу росла трава
Из земли со скрипом.

МАТЕРИ

И первый шум листвы еще неполной,
И след зеленый по росе зернистой,
И одинокий стук валька на речке,
И грустный запах молодого сена,
И отголосок поздней бабьей песни,
И просто небо, голубое небо —
Мне всякий раз тебя напоминают.

* * *

Прошло пять лет. Объехав свет,
Со станции знакомой
Один, как перст, потрепан, сед,
Он приближался к дому.

И нес в котомке как залог
Любви и жизни дружной
Веселый ситцевый платок —
Жене подарок мужний.

То ль где-то он его стащил
В чужой толпе базарной,
То ль на Магнитке получил
По карточке ударной...

И вдруг он видит по пути
В лавчонке захолустной
Платков таких — хоть пруд пруди.
И стало очень грустно.

ПЕРЕД ДОЖДЕМ

У дороги дуб зеленый
Зашумел листвою каляной.
Над землею истомленной
Дождь собрался долгожданный.

Из-за моря поспешая,
Грозным движима подпором,
Туча темная, большая
Поднималась, точно в гору.

Добрый гром далеко где-то
Прокатился краем неба.
Потянуло полным летом,
Свежим сеном, новым хлебом.

Наползая шире, шире,
Туча землю затеняла.
Капли первые большие
Обронились где попало.

Стало тише и тревожней
На земле похолоделой...
Грузовик рванул порожний
По дороге опустелой.

* * *

Есть обрыв, где я, играя,
Обсыпал себя песком.
Есть лужайка у сарая —
Там я бегал босиком.

Есть речушка — там я плавал,
Как бывало, не дыша.
Там я рвал зеленый явор,
Плетки плел из камыша.

Есть береза вполобхвата,
Та береза на дворе,
Где я вырезал когда-то
Буквы «САША» на коре...

Но во всей отчизне славной
Нет такого уголка,
Нет такой земли, чтоб равно
Мне была не дорога.

СЕЛЬСКОЕ УТРО

Звон из кузницы несется,
Звон по улице идет.
Отдается у колодца,
У заборов, у ворот.

Дружный, утренний, здоровый
Звон по улице идет.
Звонко стукнула подкова.
Под подковой хрустнул лед;

Подо льдом ручей забулькал,
Зазвенело все кругом;
Тонко дзинькнула сосулька,
Разбиваясь под окном;

Молоко звонит в посуду,
Бьет рогами в стену скот,
Звон несется отовсюду —
Наковальня тон дает.

* * *

Лед идет, большой, громоздкий,
Ночью движется и днем.
Все заметнее полоска
Между берегом и льдом.

Утром ранним, утром дымным
Разглядел я вдалеке, —
Как куски дороги зимней
Уплывали по реке.

Поперек реки широкой
Был проложен путь прямой.
Той дорогой, той дорогой
Я ходил к тебе зимой...

Выйду, выйду напоследки,
Ой, как воды высоки!
Лед идет цепочкой редкой
Сережиною реки.

Высоки и вольны воды.
Вот пройдет еще два дня —
С первым, с первым парохомом
Ты уедешь от меня.

ДЕТИ

Стол красуется накрытый.
День не просто выходной:
В доме летчик знаменитый,
Гость желанный — сын родной.

Загорелый, синеглазый.
— Вырос, — шутят старики, —
Как вошел в избу, так сразу
Стали ниже потолки...

А у дома, у машины, —
Сходка целая ребят.
Все, как взрослые мужчины,
Руки за спину, стоят.

И, наверно, мыслит каждый:
Погодите, дайте срок,
Точно так и я однажды
В гости гряну на порог.

* * *

Звезды, звезды, как мне быть,
Звезды, что мне делать,
Чтобы так ее любить,
Как она велела?

Вот прошло уже три дня,
Как она сказала:
— Полюбите так меня,
Чтоб вам трудно стало.

Чтобы не было для вас
Все на свете просто,
Чтоб хотелось вам подчас
Прыгнуть в воду с моста.

Чтоб ни дыма, ни огня
Вам не страшно было.
Полюбите так меня,
Чтоб я вас любила.

* * *

То к сыну старик, то к шинели сыновней,
То сядет за стол, то к порогу опять.
— Нет, шутка ли слово такое: полковник!
Полковник! Герой! Это надо понять.

И смотрит на сына с тревогой любовной,
И снова встает, не уймется отец.
— Полковник! А скажем и так: ну, полковник,
Ну даже полковник! А я вот кузнец.

Ну что ж, повстречались. Ну, выпили вместе
За милого гостя в отцовской избе.
А то, что касается службы да чести,
Ты — сам по себе, я — сам по себе.

ТАНК

Взвоят гусеницы люто,
Надрезая снег с землей,
Снег с землей завьется круто
Вслед за свежей колеей.

И как будто первопуток
Открывая за собой,
В сталь одетый и обутий,
Танк идет с исходной в бой.

Лесом, полем мимолетным,
Сам себе кладет мосты,
Только следом неохотно
Выпрямляются кусты.

В гору, в гору, в гору рвется,
На дыбы встает вдали,
Вот еще, еще качнется,
Оторвется от земли! —

И уже за взгорьем где-то
Путь прокладывает свой,
Где в дыму взвилась ракета,
Где рубеж земли,
Край света —
Бой.

* * *

Не дым домашний над поселком,
Не скрип веселого крыльца,
Не запах утренний сенца
На молодом морозце колком,

А дым костра, землянки тьма,
А день, ползущий в лес по лыжням,
Звон пули в воздухе недвижимом,
Остекленевшем — вот зима...

* * *

— Давай-ка, товарищ, вставай, помогу.
Мороз подступает железный.
На голом снегу лежать на боку
Совсем тебе не полезно.

Держись-ка за шею, берись вот так.
Шагаем в полном порядке.
Замерзли руки? Молчишь, чудак,
Примерь-ка мои перчатки.

Ну как, товарищ? Опять плечо?
А вот и лесок. Постой-ка.
Теперь пройти нам столько еще,
Полстолько да четвертьстолько.

Ты что? Оставить тебя в лесу?
Да ты, дорогой, в уме ли?
Не хочешь идти — на себе донесу,
А нет — дотащу на шинели.

* * *

Ветром, что ли, поддуло
С тех печальных полей,—
Что там с ней, как подумаю,
Стороною моей!

С тою русской сторонкою,
Захолустной, лесной,
Незавидной, негромкою,
А навеки родной.

Неужели там по небу
Тучки помнят свой шлях?
Неужели там что-нибудь
Зеленеет в полях?

На гнездовья те самые
За Днепром, за Десной
Снова птицы из-за моря
Прилетели весной?

И под небом ограбленной,
Оскорбленной земли
Уцелевшие яблони —
Срок пришел — расцвели?

Люди счетом уменьшены,
Молча дышат, живут.
И мужей своих женщины
Неужели не ждут?

И что было — оплакано,
Смыло начисто след.
И как будто, что так оно,
И похоже... А нет!..

* * *

Я задумал написать
На досуге повестушку.
Захворал — и слег в кровать
Греть постылую подушку.

И о замысле своем
Не жалел я, а подумал:
Бог с ним — глядь, еще умрем.
И хотя тогда не умер,
Позабыл совсем о нем.

Нужно дело выбирать,
Чтоб оно рождало силы,
С ним о смерти забывать
На краю самой могилы.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЗИМА

В вагоне пахнет зимним хлебом,
Гремят бидоны на полу.
Сосет мороженое с хлебом
Старуха древняя в углу.

Полным-полно, народ в проходе
Бочком с котомками стоит.
И о лихой морской пехоте
Поет нетрезвый инвалид.

* * *

Два города в утренних дымах,
В разгаре морозного дня.
Два города самых любимых,
Два самых родных у меня.

Неравные две величины —
В том критика будет права:
Один — это город Москва,
Другой — это город Починок.

Над улицей главных путей
Моя примостилась квартира.
То улица — за день полмира
Пройдет и проедет по ней.

А где-то Починок в болотце,
В сугробах, в березках кривых.
Он городом с год как зовется,—
Пожалуй, еще не привык.

Но — город. Зовется недаром:
Кино, фотография, клуб.
Афиша московская: «Жаров.
Проездом. Цена один рубль».

МЛАДШЕМУ ДРУГУ

Двадцать восемь — какая же молодость!
В этот малый для дерева срок
Успевает пробиться из желудя,
Вровень с лесом подняться дубок.

С человеком ему не сравниться.
В двадцать восемь ли, матушка-мать,
Человек успевает родиться,
Возмужать и родителем стать.

В этот срок берега опускаются,
Уступая движенью морей,
Государства и земли меняются,
Забываются смены властей.

Нет, какая же молодость. Мужество,
Полдень, утру идущий вослед.
В пору прибывшей силы содружество
С гордым опытом прожитых лет.

* * *

Я полон веры несомненной,
Что жизнь — как быстро ни бежит,—
Она не так уже мгновенна
И мне вполне принадлежит.

Со всем ее живым и сущим
Отрадным светом и теплом,
С ее прошедшим и грядущим
Добром и горьким недобром.

Она дала мне дней задаток.
Ну что же, в дело обратим,
И как тот малый срок ни краток —
Он от нее неотделим:
Он ей самой необходим.

МОИМ КРИТИКАМ

Все учить вы меня норовите,
Преподашь немудреный совет,
Чтобы пел я, не слыша, не видя,
Только зная: что можно, что нет.

Но нельзя не иметь мне в расчете,
Что потом, по прошествии лет,
Вы же лекцию мне и прочтете:
Где ж ты был, что ж ты видел, поэт?..

* * *

Не знаю, как бы я любил
Весь этот мир, бегущий мимо,
Когда б не убыль прежних сил,
Не счет годов необратимый.

Не знаю, как горел бы жар
Моей привязанности кровной,
Когда бы я не подлежал,
Как все, отставке безусловной.

Тогда откуда бы взялась
В душе, вовек не омраченной,
Та жизни выстраданной сласть,
Та вера, воля, страсть и власть,
Что стоит мук и смерти черной.

* * *

Вся суть в одном-единственном завете:
То, что скажу, до времени тая,
Я это знаю лучше всех на свете —
Живых и мертвых,— знаю только я.

Сказать то слово никому другому
Я никогда бы ни за что не мог
Передоверить. Даже Льву Толстому —
Нельзя. Не скажет — пусть себе он бог,

А я лишь смертный. За свое в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.

* * *

Та кровь, что пролита недаром
В сорокалетний этот срок,
Нет, не иссякла вешним паром
И не ушла она в песок.

Не затвердела год от года,
Не запеклась еще она,—
Та кровь подвижника-народа
Свежа, красна и солона.

Ей не довольно стать зеленой
В лугах травой, в садах листвою.
Она живой, нерастворенной
Горит, как пламень заревой.

Стучит в сердца, владеет нами,
Не отпуская ни на час,
Чтоб наших жертв святая память
В пути не покидала нас.

Чтоб нам, внимая славословью,
И в праздник нынешних побед
Не забывать, что этой кровью
Дымится наш вчерашний след.

И знать, что к бою правомочна
Она призвать нас вновь и вновь...
Как говорится: «Дело прочно,
Когда под ним струится кровь».

* * *

Сорокалетье! Эта вежа —
Планеты гордость и краса.
Вперед!
Могучий ветер века —
Он в наши дует паруса.

* * *

Не просто случай славы тленной
С иными случаями в счет —
Ступить за тот порог Вселенной,
Что вечность глухо стережет;
Где дальних солнц теснятся чащи,
Миров безмолвных тьмы и тьмы...
Всего людского рода счастье,
Что этот шаг ступили мы.
Не те, что знаменьем злоещим
Вдруг прочертили б эту высь...
И нам недаром рукоплещет
На белом свете даль и близь.
Недаром в мире планетарном
На этот мирный позывной
Глубоким вздохом благодарным
Ты отозвался, шар земной.

* * *

Почти полвека на бумаге
Писали вы, добра полны,
О том, что босы мы и наги,
И неумелы, и темны;

Что не осилить нам разрухи,
Не утеплить своей зимы.
Что родом тюхи да матюхи,
Да простачки, да ваньки мы...

И на бумаге и в эфире
Вы сокрушались, что едва ль
Медведей, жителей Сибири,
Мы приспособим делать сталь.

Что в нашей дикости безбрежной
Нам ваших век не знать вершин.
Что нам в новинку скрип тележный,
Не то что музыка машин.

И что у нас безвестно слово
Наук, послушных вам давно,
И нам опричь сосны еловой
Постичь иного не дано...

Все, все мы слышали, тем часом
Свою в виду имея даль,
И прогремела грозным басом
В годину битвы наша сталь.

И та година — далека ли —
Едва прошла — забыт урок.
Вы вновь нам гибель предрекали
И назначали новый срок.

И отмечали вы, ликуя,
И дождь, и сушь в тяжелый год,
И град, и всякую иную
Беду, и всякий наш просчет...

Но и в страде послевоенной
Свою вели мы магистраль,
И в звездный край самой Вселенной
Уже вступила наша сталь.

Она вступила первой в мире.
И вы, во лжи наторены,
Иной мотив на старой лире
Бренчите вы: как мы страшны,

Как мы растим свой ратный опыт,
Как с бомбой атомной в зубах
Пойдем в поход по всем Европам,
Все обращая в пыль и прах...

Но за псалмами и речами
Мир, не теряя головы,
Распознает на слух урчанье
Войны, что пестуете вы.

И вновь не будет мир обманут,
И, правдой нашей сметены,
Перед судом его предстанут
Отцы — радетели войны.

В КАНУН ГОДОВЩИНЫ

Вдоль новой в Москве магистрали,
В канун годовщины великой,
Девчонки и парни сажали
Кудрявые крупные липы.

С машин их спускали учтиво
С запасом земли материнской
И ставили строем — на диво
Прямым — в направлении Минска...

В раздумье отметил прохожий,
Мужчина с висками седыми,
Что вдвое ребята моложе
Деревьев, сажаемых ими.

— Лет сорок, не менее, липкам.—
И после невольного вздоха:
— Ах, времечко-время,— с улыбкой
Промолвил прохожий.— Эпоха!

УСТАЛОСТЬ

Порой такая гудит усталость,
    Как лечь в кровать,—
Сдается, силы едва осталось,
    Чтоб утром встать.

Как будто в шахте пластом породы —
    Ни ног, ни рук —
Все эти годы, труды, походы
    Придавят вдруг

Без мук, без боли. И рухнет время
    На всем скаку...
Но утром встанешь ты вместе с теми,
    Что — по гудку.

Не отставая ни на минуту
    Ни в чем от них,
Поспешно выйдешь, пройдешься, будто
    До проходных.

Потом вернешься под крышу дома —
    Все по часам —
И тоже смену по-молодому
    Заступишь сам.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Столичной окраины житель барачный,
Смекалке обязанный долей такой,
При слове «колхоз» безнадежно и мрачно,
Зажмурившись, молча махавший рукой;

Хвалившийся тем, как расчел он удачно,
В село заглянув по дороге с войны,—
Столичной окраины житель барачный
Из отпуска прибыл с родной стороны...

— Ну, как? — я спросил для порядка при встрече,
По опыту зная уже наперед
Все притчи его, все извития речи,
Оттенок любой и любой оборот.

И вдруг этот плут, этот скептик прожженный,
Мастак изъясняться игриво и зло,
— Вы знаете, что,—отозвался смущенно,—
Вы знаете, вроде как дело пошло...

Я в книжку занес этот отзыв неожиданный
Затем, что для многих на свете людей
Он, может, ценнее, как это ни странно,
Обширных речей и ученых статей.

ТЫ И Я

Ты поздно встал, угрюм и вял,
И свет тебе не мил.
А я еще зарю застал
И с солнцем в день вступил.
    К тебе, несвежему со сна,
    Никто не подходит.
    А мне на редкость жизнь красна
    И — радость впереди,
Я утро на день запасал,
Его вбирая в грудь.
Теперь за стол, как за штурвал,
И снова — в дальний путь.
    Тебе в унынье не понять,
    Как полон мир красы,
    Как стыдно полусту терять
    Заветные часы.
И все тебе нехороши,
И сам ты нехорош:
Мол, хоть пиши, хоть не пиши —
И так, и так умрешь.
    И все вокруг — до тошноты,
    Все повод для нитья...
    Как горько мне, как жаль, что ты —
    Ведь это тоже я.
Я все твои ношу в себе
Повадки и черты.
Еще спасибо той судьбе,
Что я не просто ты;
    Что я — в тебе таком — не весь
    Отнюдь, — скажу, любя:
Я — это я, каков я есть,
За вычетом тебя,

О СУЩЕМ

Мне славы тлен — без интереса
И власти мелочная страсть.
Но мне от утреннего леса
Нужна моя на свете часть;

От уходящей в детство стежки
В бору пахучей конопли;
От той березовой сережки,
Что майский дождь прибьет в пыли;

От моря, моющего с пеной
Каменья теплых берегов;
От песни той, что юность пела
В свой век — особый из веков.

И от беды и от победы —
Любой людской — нужна мне часть,
Чтоб видеть все и все изведать,
Всему не издали учась.

И не такую еще признанья:
Мне нужно, дорого до слез
В итоге — твердое сознание,
Что честно я тянул мой воз.

СОБРАТЬЯМ ПО ПЕРУ

В деле своем без излишней тревоги
Мы затвердили с давнишней поры
То, что горшки обжигают не боги,
Ну, а не боги, так дуй до горы.

Только по той продвигаясь дороге,
Нам бы вдобавок усвоить пора:
Верно, горшки обжигают не боги,
Но обжигают их мастера!

ФРОНТ И ТЫЛ

(Из книги «За далью—даль»)

Быть может, этот спор дорожный,
Порой почти пустопорожный,
Но жаркий — грудь на грудь, в упор —
В вагоне шел бы до сих пор,
Не встрянь с улыбкой осторожной
И легким вздохом мой майор.

А может, перед вспышкой новой
Он сам собою поостыл,
Всегда, везде зайти готовый
Тот спор на тему: фронт и тыл...

Давно война отгрохотала,
Давно в страде иной страна,
По данным выхода с гектара
В пудах и центнерах зерна
И данным — на душу — металла
Свои убытки наверстала,—
Душа, казалось бы, полна.

Однако — нужды нет лукавить —
Душа, минуя давность лет,
Той горькой памяти оставить
Еще не может и — нет-нет —
В тот самый застывает след.

И неизмеренное море
Печали, тяжких мук и горя
И славы — тот душевный пыл,
Что вновь и вновь рождается в споре
На эту тему: фронт и тыл.

Он возникает не по знаку
Организованных начал,

А сам собой и тоже всяко:
То днем, а то и по ночам.

В пути, в гостинице, в больнице,
На переправе затяжной,
В районе, в области, в столице,
В гостях и дома — хоть с женой,

В бараке, в клубе и сторожке,
В тайге, в степи, на целине,
«На кукурузе», «на картошке»,
Как говорят еще в стране.

На даче, на горячем пляже,
В Крыму и в заполярной тьме,
Во льдах торосистых и даже
Не редкость, если и в тюрьме...

Но время лучше для спора,
Когда Москва — его исток,
А устье — где-то там, не скоро,
В конце, вдали — Владивосток.

Итак, в дороге три — четыре,
А то и пять, пожалуй, дней
Шел спор о фронте и о тыле —
Не что важней,
А где трудней.

Спор в постановке чисто русской:
Где круче в смысле всех страстей —
Обычной на душу нагрузки,
Жары, морозов и харчей.

Горячность пылкая без меры
Со стороны фронтовика,
Минувшей службы офицера,
Рвалася вон из пиджака.

Казалось, был он кровный, личный,
Извечный враг тыловигов,
Да и оратор был каков!
Куда там наш трибун столичный,
Любимец публики Сурков!

Казалось так в разгаре спора,
Что он, случись в иную пору,
Отцу б родному не простил,
Когда бы с цехом иль конторой
Старик нестойкий убыл в тыл
И под огнем на фронте не был,
Не отступал за Днепр и Дон...

Должно быть, там с овчинку небо
Однажды сам увидел он.
И это тяжкое виденье
Он нес теперь сквозь жизнь свою.
Крутого полон озлобленья
На всех, кто не был в том бою...

Зато его противник в споре
Прощал охотно старика
И о своей тех лет конторе
Он дал понять издалекá.

На пафос тот, отчасти зверский,
Он отвечал — уму учил —
С улыбкой мягко-министерской
Больших секретарей-мужчин,
Что лишены обычной страсти
И с правом входа на доклад
Располагают большей властью,
Чем тот, при коем состоят...

Сперва с усталостью заметной
Он пояснил, что не секрет
В наш век — век атомно-ракетный —
Былых понятий фронта нет,
Как нет былых понятий тыла,
Но, с точки зренья прежних дней,
Понятно, где труднее было:
В тылу у нас — куда трудней.

Он так сказал: ходить в атаки
И умирать, коль выпал час,
Есть тот гражданский долг, что всякий
Обязан выполнить из нас.

Он к месту вспомнил утвержденья
Самих прославленных вояк,

Что нет героев от рожденья —
Они рождаются в боях.

И возразить, казалось, нечем,
Когда вздохнул он тихо:
— Но...

В тылу, мол, дело обеспечить
Уже не всякому дано.

И в правоте неоспоримой
Подвел черту, как говорят:
Тыл фронту, верно, брат родимый.
Но он сказал бы: старший брат.

Сказал — гляди, куда как метче —
И с новым вздохом повторил:
Тыл — старший брат, за все ответчик,
И потому избрал он тыл.

Ему в годину испытаний
Крепить его велел закон.
С ним разговаривать не стали,
Когда на фронт просился он...

И, дескать, несколько неловкий,
По меньшей мере, этот спор,
При современной обстановке
Он лишь несет в ряды раздор...

И тут как раз вздохнул майор.

Майор, молчун тяжеловатый,
Что был курить да спать здоров,
Вздохнул с улыбкой виноватой:

— Скажу сперва насчет рядов...
Зачем же вдруг!.. Ряды рядами.
И от беседы нет беды,
Поскольку мы же с вами сами
И есть те самые ряды...

Теперь насчет меньшого брата,
Скажу, не хвастаясь отнюдь,
Что от солдата до комбата
Я сам прошел когда-то путь.

И что, причастный с ополченья
К боям, походам и котлу,
Я вправе сделать заключение:
На фронте легче, чем в тылу.

Я поясню,— сказал он, видя
Смущенные спорящих сторон,—
Не к чьей-нибудь из вас обиде
И чистой правде не в урон
Как говорил один не старый
Мой из запаса рядовой,
Знаток и той, что он оставил,
И этой жизни — фронтовой:
«Воюй — и все твое с тобой».

Мол, все по форме и по норме:
О чем заботиться тебе?
Случись, что если не накормлен,
Так это есть уже ЧП.

В твое траншейное жилище,
У самой смерти на глазах,
К тебе ползут с горячей пищей
И даже с чаем в термосах.

Твой килограмм, с надбавкой, хлеба,
Твой спецпаек и доптабак
Тебе должны доставить с неба,
Раз по земле нельзя никак.

С жилищем тоже много проще:
Дворец ли, погреб — все твой дом.
Ни доставать прописку теще,
Ни уплотнять ее судом.

Что в жизни нужно — все бесплатно,
За все ответчица — казна.
Убьют иль ранят — фронт. Понятно.
И не твоя уже вина.

В той жизни—долгой иль короткой,—
Уж там добро иль недобро,
Тебя согреть спешат и водкой
И сводкой Совинформбюро.

В недалнем следуя обозе,
А то в бою — тебе хвалу
Вовсю поют в стихах и прозе
Твои певцы. А что в тылу!

В тылу совсем не та картина,
Хотя все то же существо.
Во-первых, если ты мужчина,
То вроде как-то не того...

Опять же кухня полевая
Тебе не придана в тылу.
Посеял карточки в трамвае —
Садись к заочному столу.

И та опаска всем знакома:
В тылу проштрафился чуть-чуть,
Глядишь, привет от военкома:
Прошу зайти. И — в добрый путь.

На фронте нет того в заводе,
Чтоб опасаться: вдруг да в тыл.
Ошибся в роте, так во взводе
Исправишь все, что допустил.

И даже, если ты там штуку
Уже подсудную удрал,
То ни к чему тебя в науку
Возить куда-то на Урал,
Писать от фронта открепление,
Давать в дорогу аттестат.
Нет, где вина — там искупление:
Всегда поблизости штрафбат.

На месте весь тебе зачтется
Тот срок к недалнему числу
Без упущенья в производстве,
Как это водится в тылу.

С пристрастьем слушали майора
Два главных спорщика в купе.
Но самый след крутого спора
Уже по новой шел тропе.

Все ближе, ближе постепенно
К суждениям тем склоняли слух
И наш профессор, и военный
Моряк, и врач, и все вокруг...

И в орденах старик кудрявый
Не усидел в своем углу,
Тряхнул своей безвестной славой:
— Нет, легче все-таки в тылу.

Как ни хотите — легче трошки...—
Успех майора он учел.—
Уже одно, что нет бомбежки,
А есть, так в шахте нипочем.

— Смотря какая бомба-дура,—
Поправил кто-то старика.
Но тот сказал:
— Нет, жизнь горька,
Как под землей без перекура,
А наверху — без табака...

— Ах, в табаке ли только дело,—
Включился вздох со стороны.—
В одном равны душа и тело,
Что легче — вовсе без войны...

Тот вывод с благостной печалью
Кивком почтенной головы
Одобрил попик наш с медалью
Восьмисотлетия Москвы.

Но означал его уместный
Простой кивок-полупоклон,
Что, может, волею чудесной
И сверх того, что всем известно,
Он кое в чем осведомлен...

А мой молчун невозмутимый,
Со слов солдата выдав речь,
На весь вагон добавил дыма
И вновь намерен был залечь...

Солдатской притчи юмор грубый
Улыбкой лица подсветил,

И за Читой пошел на убыль
Тот спор на тему: фронт и тыл.

За новой далью скрылся город,
Гремели Шилки берега,
Тоннели, каменные горы,
Вверху, над окнами, тайга.
По кругу шли обрывы, пади,
Кремнистой выемки откос,
И те, что в душу мне вступали,
Слова горели жаром слез.

И не хотел иных искать я,
Затем что не новы они.
Да, тыл и фронт — родные братья,
И крепче в мире нет родни.
Богатыри години давней
И в славе равные бойцы.
Кто младший там, кто старший — главный, —
Неважно: братья-близнецы.

И не гадали, кто, который,
Кому по службе подчинен,
Оставив эти счеты-споры
Для мирных нынешних времен...

Но не иссякнуть этой теме,
Покамест есть еще в живых
И те, что сами знали бремя
Часов и суток фронтовых;
И те, кому в завидных далях,
В раю глубоком тыловом
У их станков и наковален
Был без отрыва стол и дом.

И после них не канут в нетях
Та боль, и мужество, и честь.
Но перейдет в сердца их детям
И внукам памятная песнь.

О том, как шли во имя жизни
В страде два брата, два бойца,
Великой верные Отчизне
Тогда. И впредь. И до конца!

1958

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Дорога	3
«Шумит, пробираясь кустами...»	4
Муж и жена	5
«А ты, что множество людей...»	6
«За распахнутым окном...»	7
Матери	8
«Прошло пять лет. Объехав свет...»	9
Перед дождем	10
«Есть обрыв, где я, играя...»	11
Сельское утро	12
«Лед идет, большой, громоздкий...»	13
Дети	14
«Звезды, звезды, как мне быть...»	15
«То к сыну старик, то к шинели сыновней...»	16
Танк	17
«Не дым домашний над поселком...»	18
«— Давай-ка, товарищ, вставай, помогу...»	19
«Ветром, что ли, подунуло...»	20
«Я задумал написать...»	21
Послевоенная зима	22
«Два города в утренних дымах...»	23
Младшему другу	24
«Я полон веры несомненной...»	25
Моим критикам	26
«Не знаю, как бы я любил...»	27
«Вся суть в одном-единственном завете...»	28
«Та кровь, что пролита недаром...»	29
«Сорокалетье! Эта вежа...»	30
«Не просто случай славы тленной...»	31
«Почти полвека на бумаге...»	32
В канун годовщины	34
Усталость	35
Свидетельство	36
Ты и я	37
О сущем	38
Собратьям по перу	39
Фронт и тыл (Из книги «За далью — даль»)	40

